Великий князь Симеон Бекбулатович

Осенью 1575 года царь Иван Грозный отрекся от престола.

На московский трон вступил царевич из рода Чингисхана. Русская история могла бы быть совершенно иной, унаследуй он политическую волю, мужество, вероломство и амбиции своего великого предка.

Грозный показывает свои сокровища английскому послу Горсею.
1875 г. Художник А.Литовченко

Но он всего лишь точно и честно исполнил отведенную ему скромную роль в блестящей политической комбинации, придуманной Иваном Васильевичем с размахом, достойным его шекспировской эпохи. История марионеточного правления в России, интересная сама по себе, серьезно повлияла на наше политическое сознание, впервые так наглядно продемонстрировав, что Власть и Ответственность могут быть совершенно невзаимосвязаны. В дальнейшем этим приемом пользовались неоднократно, конечно, не в столь радикальной форме, а скорее под девизом "Не ведает царь, что творят его бояре", и эффективность его весьма ценили. А царь Симеон, герой и жертва этого беспрецедентного исторического трагифарса, оказался забыт...

Потомок Чингисхана

В один из октябрьских дней 1575 года Москва шумела, как потревоженный улей: царь Иван Васильевич отрекся от престола и посадил на великое княжение всея Руси крещеного татарского царевича Симеона. Не все сегодня слышали об этом российском государе, а если его правление и упоминается в учебниках истории, то только как странный курьез, сумасбродство Грозного. Современники отнеслись к этому иначе. Дело в том, что царем Симеон стал задолго до коронации в Успенском соборе.

В нем текла благородная кровь чингизидов. До крещения он именовался Саин-Булатом. Его отец Бек-Булат являлся прямым потомком властителей Золотой Орды - внуком последнего

золотоордынского хана Ахмата. В 1558 году Иван IV пригласил Бек-Булата к себе на службу. Достоверно известно, что в 1563 году тот участвовал в военном походе под Смоленск, а уже в 1566 году "голову положил на государевой службе". После его смерти службу продолжил сын. В официальных документах Саин-Булат именовался астраханским царевичем. Однако в конце 1560-х годов в его судьбе произошел первый взлет. Иван Грозный посадил Саин-Булата на престол в Хан-Кермане (Город Хана), как в то время именовался городок Касимов.

Татарское "подбрюшье" Московии

После распада Золотой Орды татары нередко переселялись в пределы Московского княжества. Отпрыски знатных ордынских фамилий вместе с чадами и домочадцами просили у великих князей службы и места для проживания. В разное время выехавшим из Орды царевичам давались в удел исконно русские города. Татарский мурза Кайбула владел Юрьевом, Дербыш-Алей - Звенигородом, Ибака - Сурожиком.

В правление Василия II наблюдался такой наплыв татар на московскую службу, что при дворе русские чувствовали себя отодвинутыми на второй план. В российском дворянстве можно проследить несколько сот фамилий тюркского происхождения - Аксаковы и Юсуповы, Бердяевы и Тенишевы, Урусовы и Карамзины, Третьяковы и Чаадаевы, и многие другие...

Почему Москва с таким вниманием относилась к бывшим поработителям? Во-первых, высокое происхождение татарских эмигрантов позволяло им претендовать на ханские троны в Казани, Астрахани и Бахчисарае. Во-вторых, трехвековое подчинение Золотой Орде выработало на Руси стойкое почитание династии Чингисхана, которая там правила. По свидетельствам летописцев, татарские царевичи при кремлевском дворе считались "честию бояр выше". И не раз случалось так, что, отправляясь на войну, великий князь передоверял управление страной не боярам, а одному из своих татарских подданных. Например, на время похода на Великий Новгород в 1477 году Иван III поручил все дела татарскому царевичу Муртазе, бывшему у него на службе; позднее, в 1518 году, сын Ивана, Василий III, при приближении к столице войск крымского хана бежал из Москвы, возложив ее оборону на татарского царевича Петра...

Касимовский хан

Касыму, сыну первого казанского хана Улуг-Мухаммеда, великий князь Василий II пожаловал Городец-Мещерский (с тех пор этот город в Рязанской области носит название Касимов). Владения вокруг Касимова составили зависимый от Москвы улус.

Однако вначале все обстояло совсем по-другому. Основание Касимовского ханства было вынужденной уступкой Орде.

Все началось с того, что в 1437 году в результате внутренних разборок внук знаменитого Тохтамыша хан Улуг-Мухаммед потерял престол в Большой Орде. Спасаясь, он бежал в Белевское княжество на границе Руси. Однако такое соседство не понравилось великому князю Василию II, который послал к Белеву войска. Улуг предложил принять его в московское подданство, обещал верно служить, стеречь границу. Все тщетно. Московские рати устроили страшный разгром, Улуг-Мухаммед снова был вынужден бежать. Однако вскоре его дела наладились. Он обосновался в Казани и принялся мстить. В 1445 году татары захватили Нижний Новгород, а затем в битве под Суздалем взяли в плен самого Василия II. Тот откупился суммой, равной которой не было в истории России ни до, ни после, - 200 тысяч рублей (по другим источникам - "вся казна"). Понятно, что таких денег у незадачливого великого князя не было. Как бы в залог Василия II заставили дать обширное земельное владение сыну победителя - царевичу Касыму.

Возвращение Василия II в Москву с татарским отрядом, который должен был увезти выкуп в Казань, вызвало восстание против князя, так дорого купившего свободу. Василия свергли, а к власти пришел лидер "антиордынской оппозиции" Дмитрий Шемяка, его двоюродный брат. Василия ослепили (с тех пор он стал зваться Темным) и сослали в Углич. И тут на помощь Василию пришел его злейший враг. При поддержке войск Улуг-Мухаммеда Василий возвратил себе трон. И только тогда смог расплатиться с долгами...

На протяжении веков Касимов был важным военным фактором в московских стратегических раскладах. Надо отметить, что в отличие от других русских княжеств Касимовское ханство являлось мусульманским уделом в составе России. Об этом русские цари всякий раз напоминали Крыму и Турции, когда там начинали волноваться о судьбе своих единоверцев на Руси: "Когда б государь наш бусурманский закон разорял, не велел бы Саин-Булата среди своей земли в бусурманском законе устраивать".

Многие правители Касимова оставили яркий след в истории. Например, касимовский хан Шах-Али пять раз занимал казанский престол, а его воины участвовали во всех казанских походах русских войск. Но наиболее успешную карьеру сделал наш герой - Саин-Булат.

Царев слуга

Восхождение Саин-Булата к вершинам власти началось в 1570 году, когда в московских разрядных книгах его начали именовать царем касимовским (предшественники именовались скромнее - царевичами). Возможно, у Саина нашлись могущественные покровители в Кремле: он был родственником второй жены Ивана IV, Марии Темрюковны, происходившей из рода владетельных кабардинских князей. Однако к тому моменту царица уже умерла (Грозный утверждал, что ее отравили), а ее брат Михаил Черкасский, командовавший опричной гвардией, был в опале. Так что возвышение Саин-Булата нельзя объяснить только дворцовыми интригами. Многие в то время делали стремительную карьеру в опричном войске - но Саин никогда не служил в опричнине.

Важным условием для продвижения по службе татарского сановника на Руси было его обращение в православную веру. В июле 1573 года, по настоянию Ивана Грозного, касимовский царь был крещен в селе Кушалино Тверского уезда, получив при этом христианское имя Симеон. Саин знал, что теряет право на престол мусульманского Касимова. Впрочем, эту потерю Грозный компенсировал ему сполна, пожаловав звание "слуги государева", которое давалось только наиболее близким сановникам и только за особые услуги. Кроме Симеона, такой титул носили князь Михаил Воротынский (будучи в 1572 году главнокомандующим русской армией, он наголову разгромил Крымскую орду) и Борис Годунов, который был фактическим правителем России при слабоумном царе Федоре. Разъясняя иностранцам значение звания "слуги государева", московские дипломаты заявляли, что "то имя честнее всех бояр, а дается то имя от государя за многие службы".

Что же должен был совершить Саин-Булат, чтобы заслужить такое расположение Грозного? Как минимум, спасти царя от неминуемой смерти или раскрыть заговор. Летописи об этом молчат. Есть соблазн объяснить внезапное возвышение касимовского хана его тайными интимными отношениями с царем. В этом нет ничего удивительного - история знает аналогичные примеры. Любовником Ивана Васильевича называли Федора Басманова, сына руководителя первого опричного правительства.

Он был необычайно красив (Н.Карамзин писал про него: "Прекрасный лицом, гнусный душою"). Князь Андрей Курбский утверждал, что именно это обстоятельство обеспечило Басмановым карьеру. Говорили, что высокого положения фаворит достиг благодаря соблазнительным пляскам в женском костюме перед царем. Слухи эти весьма раздражали Грозного. Когда князь Дмитрий Оболенский-Овчинин на пиру бросил в лицо царскому любимцу: "Предки мои и я всегда служили государю достойным образом, а ты служишь ему

содомией", Грозный приказал задушить боярина.

Впрочем, несмотря на то, что мужеложство на Руси в то время было довольно распространено (австрийский посол Сигизмунд Герберштейн в своей книге "Записки о Московитских делах" отмечал, что гомосексуализм распространен во всех социальных слоях), к чести Симеона можно сказать, что такого рода предположений у современников не возникало.

Так что причины расположения Ивана Грозного к Симеону остались для историков тайной за семью печатями.

...В 1573 году Иван Грозный женил Симеона. Его супругой стала одна из красивейших женщин того времени - Анастасия Мстиславская, дочь князя Ивана Федоровича Мстиславского, которого иностранцы называли "принцем крови" - мать его была племянницей великого князя Василия III. Таким образом, Мстиславские, которые вели свой род от великого литовского князя Гедимина, приходились родней и царю Ивану IV. Женившись на красавице Анастасии, с царем породнился и Симеон Бекбулатович.

Брак Симеона и Анастасии был удачным. У них родилось шесть детей - Евдокия, Мария, Анастасия, Федор, Дмитрий и Иван. Но в тихую семейную жизнь вмешалась высокая политика.

На московском престоле

30 октября 1575 года Иван Грозный отрекся от царства и передал верховную власть Симеону, незадолго до того назначенному главой Боярской думы. Решение это готовилось втайне и потому даже для ближайшего царского окружения прозвучало как гром среди ясного неба.

Бывший касимовский хан стал "царем и великим князем всея Руси". Венчался Симеон в Успенском соборе в Кремле - как положено московским государям. Сам же Грозный, по словам летописца, переехал "на Неглинною на Петровке, на Орбате, против Каменого моста старово, а звался Иван Московский... А ездил просто, что бояре, а зимою возница в оглоблех... А как придет к великому князю Симеону, и сядет далеко, как и бояр, а Симеон князь велики сядет в царьском месте".

Грозный сохранил за собой "удел", в который отошли Ростов, Псков, Дмитров, Старица, Ржев и Зубцов. Всю остальную Русь (кроме бывшего Казанского ханства) "правил" Симеон. Под именем и с гербом Симеона Бекбулатовича выходили государственные указы и пожалования. А сам Грозный писал на имя Симеона челобитные: "Государю великому князю Симиону Бекбулатовичу всеа Руси Иванец Васильев с своими детишками, с Ыванцом, да с Федорцом челом бьют". В челобитных Иван Грозный просит государя его пожаловать и милость свою показать, и "людишек перебрать" - пересмотреть денежные и поместные оклады служилых людей.

Во вражеском окружении

На протяжении десяти лет Иван Грозный пытался сломить сопротивление русской аристократии при помощи опричного террора. Опричнина ввергла Россию в хаос, но результата не достигла. Иван был вынужден распустить преторианскую гвардию. Это только усугубило положение. Измена проникла в правительство, ближайшее окружение было ненадежно, боярство же внушало царю еще большие опасения.

Английский посол Даниил Сильвестр писал, что в беседе с ним Иван IV объяснял свое решение передать престол Симеону грозящими ему заговорами: он "предвидел изменчивое и опасное положение государей и то, что они наравне с нижайшими людьми подвержены

переворотам". Поводом к "отставке" Грозного стали "преступные и злокозненные поступки наших подданных, которые ропщут и противятся нам за требование верноподданнического повиновения и устрояют измены против нашей особы".

Существовали ли в действительности боярские заговоры или это плод больного воображения Грозного? "Независимые источники" - иностранцы, состоящие на русской службе, - считали, что заговоры были. Во главе одного из них стоял конюший (руководитель Конюшенного приказа) и глава Боярской думы Иван Федоров-Челяднин, который, как утверждали, был любовником жены Грозного Марии Темрюковны. Во время одного из походов в Ливонию планировалось перебить личную охрану Грозного, схватить царя и выдать полякам.

Положение для Грозного выглядело настолько отчаянным, что за год до своего отречения, летом 1574 года, он пришел к мысли бежать со всей семьей в Англию. С королевой Елизаветой велись тайные переговоры о предоставлении ему убежища. В Вологду свозили царские сокровища и строили суда для отъезда "для сбережения себя и своей семьи... пока беда не минует, бог не устроит иначе".

Иван Васильевич страшился мятежа могущественных вассалов, который мог покончить с его династией (печальный пример был у него перед глазами - в Швеции в результате переворота был свергнут с престола его союзник Эрик XIV). А отмена режима "чрезвычайного положения" привела к тому, что репрессии против высшей аристократии должны были быть утверждены Боярской думой. Дума же так просто своих не сдавала. Известен факт, когда князь Иван Мстиславский, обвиненный царем в том, что по сговору с крымскими татарами открыл им дорогу на Москву, не только уцелел, но продолжал заседать в Боярской думе.

Без санкции Думы Иван был вынужден прибегать к совершенно небывалому для того времени способу расправы со своими противниками. Публичные казни на Лобном месте прекратились. Следствие велось втайне, приговоры выносились заочно. Осужденных стали убивать дома или на улице, на трупе оставляли краткую записку с перечислением "грехов" покойного.

Передача власти царю Симеону означала, что Грозный получал полную свободу карать "изменников" в своем "уделе". В течение месяца Грозный сформировал новое правительство и новую "удельную" гвардию, при помощи которой и расправился с "заговорщиками", большая часть которых принадлежала к верхушке опричнины.

Понятно, что в значительной степени успех плана Ивана IV зависел от личности "сменщика". Грозный хотел быть уверенным в том, что новый царь не выйдет у него из подчинения. Он не должен был быть связан с любым из боярских родов, но в то же время должен устраивать своим происхождением бояр и кремлевскую бюрократию. Иван легко и быстро привязывался к людям, но так же легко расправлялся со вчерашними любимцами, и тем более жестоко, чем больше был к ним привязан. В течение всей жизни Иван IV благоволил митрополиту Макарию, боярину Захарьину-Юрьеву, брату первой жены Анастасии. Симеон Бекбулатович отличался даже в этом ряду.

Одним из доказательств этого служит участие Симеона в Ливонской войне, которую историки называют "делом всей жизни" Грозного. Еще в качестве касимовского царя в 1571 году Саин-Булат принимал участие в походах под Орешек, Пайду, Колывань. Причем он командовал либо передовым, либо сторожевым полком - на эти должности назначали лишь опытных воевод. Но Саин оказался плохим военачальником. По его вине русское войско было разбито при Коловери (Лоде). Однако в опалу хан не попал, более того, в декабре 1572 года Иван IV "повысил" Саин-Булата, назначив первым воеводой большого полка.

Антикризисный управляющий Ивана Васильевича

Непопулярные антикризисные меры правители всегда стремятся осуществлять чужими руками. Иван Грозный не был исключением. Война, которую он вел без малого тридцать лет, разорила казну, собирать налоги мешали так называемые "тарханы" - освобождения от налогов, дарованные вотчинам и монастырям поколениями временщиков.

Неслучайно поэтому английский посол в России Джером Горсей увидел в "назначении" Симеона серьезную финансовую подоплеку. По его мнению, Иван IV руками царя Симеона хотел аннулировать все жалованные церкви грамоты и тем самым серьезно урезать ее земельные владения. "С намерением уничтожить все обязательства, принятые им, он учредил разделение своих городов, приказов и подданных, провозгласил новым государем, под именем царь Симеон, передал ему свой титул и корону и, отделываясь от своих полномочий, короновал его; заставил своих подданных обращаться со своими делами, прошениями и тяжбами к Симеону, под его именем выходили указы, пожалования, заявления - все это писалось под его именем и гербом.

Во всех судебных делах ходатайства составлялись на его имя, также чеканились монеты, собирались подати, налоги и другие доходы на содержание его двора, стражи и слуг, он был ответствен также за все долги и дела, касавшиеся казны... Такой поворот дела и все изменения могли дать прежнему царю возможность отвергнуть все долги, сделанные за его царствование: патентные письма, пожалования городам, монастырям - все аннулировалось. Он был освобожден ото всех старых долгов и всех прошлых обязательств".

Ему вторит английский дипломат сэр Джильс Флетчер, посетивший Московию в 1588 году. Вот что он писал в своей книге "О государстве Русском": "Во имя этой цели Иван Васильевич использовал весьма странную практику, которую немногие князья могли принять в самых крайних ситуациях. Он оставил свое царство некоему великому князю Симеону... как будто бы он предполагал отойти от всех общественных дел к тихой личной жизни. К концу года его правления он побудил этого нового царя отозвать все грамоты, пожалованные епископствам и монастырям. Все они были аннулированы".

В действительности окончательно ликвидировать систему тарханов не удалось. Стремление конфисковать главное богатство церкви - монастырские земли - вызвало резкий отпор церковных иерархов.

Схватка за Краков

Еще одной причиной, по которой Иван Грозный мог "уступить" свой престол Симеону, были внешнеполитические амбиции царя. Грозный претендовал на престол соседней Речи Посполитой, где после смерти бездетного Сигизмунда II в 1572 году началось "бескоролевье". В 1573 году на заседании сейма новым королем был избран Генрих Анжуйский из французской династии Валуа. При этом его заставили принять принцип "вольной элекции" (выборов короля шляхтой). Королю запрещалось объявлять войну или увеличивать налоги без согласия парламента. И даже жениться он должен был не иначе как по рекомендации сената. Так что нет ничего удивительного, что Генрих Валуа правил Польшей только 13 месяцев, проводя все время в пирах и карточной игре, а затем тайно бежал во Францию, где после смерти его брата Карла IX освободился трон.

Сенат и сейм долгое время не могли договориться о кандидатуре следующего монарха. За престол в Кракове спорили австрийский эрцгерцог, шведский король и даже герцог Феррарский. За кандидатуру московского царя высказались Литва, где большую роль играли православные феодалы, и протестанты, для которых был неприемлем католический монарх.

Кандидатура Ивана Васильевича обсуждалась еще и на выборах 1572 года. Но тогда московский кандидат не прошел. Отречение Грозного и коронация Симеона в 1575 году могли привлечь на его сторону голоса тех шляхтичей, которые опасались избрать своим

монархом могущественного иноземного правителя.

К сожалению, и этот план не увенчался успехом. Королем Речи Посполитой были выбраны сразу два претендента: австрийский эрцгерцог и семиградский князь Стефан Баторий. В развернувшейся "войне двух королей" победу одержал энергичный Баторий, который считался одним из лучших полководцев своего времени. Это обернулось для России тяжелейшим поражением в Ливонии.

Почему Грозный убил своего сына

Всем хорошо известна хрестоматийная картина Ильи Репина. Но версия художника, поддержанная, правда, виднейшими русскими историками, на самом деле не больше чем версия. Считается, что Иван в припадке гнева ударил царевича тяжелым посохом, отчего тот через три дня умер. Однако был ли этот удар случайным?

За полгода до кончины Ивана Ивановича в Польшу бежал родственник одного из руководителей тогдашнего правительства Богдана Бельского, который рассказал полякам, что московский царь не любит старшего сына и нередко бьет его палкой. Ссоры в царской семье носили политическую подоплеку. По свидетельству Джерома Горсея, "царь опасался за свою власть, полагая, что народ слишком хорошего мнения о его сыне".

А московский летописец вычурным и замысловатым слогом рассказывал о том, что Грозный "мнети почал на сына своего царевича Ивана Ивановича о желании царства". Выражаясь современным языком, наследника заподозрили в намерении свергнуть отца. Именно для того, чтобы ликвидировать такую угрозу (или, по крайней мере, вразумить наследника), Грозный и нарек на великое княжение Симеона. Тогда близкие к царевичу бояре будто бы заявили: "Неподобает, государь, тебе мимо своих чад иноплеменника на государство поставлять". Открытое сопротивление воле Грозного показывает, как далеко зашло дело.

Первая серьезная ссора с сыном произошла еще в 1570 году. Тогда Грозный заявил в присутствии бояр, духовенства и иноземных послов, что намерен лишить сына прав на трон и сделать наследником Магнуса, принца датского. Спустя пять лет Иван Васильевич исполнил свою угрозу, но передал шапку Мономаха не Магнусу, а Симеону.

Кремлевская астрология

С интригой, которую вел против Грозного "малый двор" царевича, связана еще одна интереснейшая фигура той эпохи. Личный медик царя Елисей Бомелей, по некоторым сведениям, родился в Везеле (Вестфалия), учился в Кембридже, в Лондоне был заключен в тюрьму за колдовство, бежал в Россию, где попал в фавор к царю Ивану Грозному, который сделал его своим врачом. Он оставил после себя недобрую память в народе. Его считали "лютым волхвом", однако секрет его влияния объяснялся просто: в секретных лабораториях Кремля он изготовлял яды для впавших в немилость вельмож, с которыми Грозный не мог расправиться в открытую. Некоторых придворных (например, одного из руководителей опричины Григория Грязного) Бомелей отравил собственноручно.

Интриги и погубили Бомелея. Лейб-медик по совместительству являлся и царским астрологом. Он рассказывал царю о неблагоприятном положении звезд, предсказывал всевозможные беды, а затем "открывал" ему пути спасения. Иван IV, подобно многим своим современникам (и не только в России), боялся колдовства и верил в пророчества. Наконец (видимо, инициатива исходила из окружения царевича Ивана), Бомелей предсказал царю, что в 7084 году от сотворения мира (с 1 сентября 1575 года до 31 августа 1576 года) властитель Руси умрет. "Пискаревская летопись" прямо сообщает, что "некоторые люди говорили, что Иван поместил Симеона (на трон), поскольку предсказатели предупредили его, что в тот год случится изменение: царь Москвы умрет".

Неизвестно, хорошим ли астрологом был Бомелей, но опасность он почувствовал заблаговременно. Решив бежать из России, лейб-медик взял подорожную на имя своего слуги и отправился на границу, предварительно зашив в подкладку платья все свое золото. В Пскове подозрительного иностранца схватили и в цепях привезли в Москву. Джером Горсей рассказал любопытные подробности о последних днях авантюриста. По его словам, Грозный поручил допросить Бомелея царевичу Ивану и его приближенным, заподозренным в сговоре с лейб-медиком. С помощью этих людей Бомелей надеялся выпутаться из беды. Когда же колдун увидел, что друзья предали его, он заговорил. И показал гораздо больше того, о чем желал знать царь. Но предательство не спасло "злого волхва": его зажарили на огромном вертеле.

Последний князь великой Твери

Через год шапка Мономаха вернулась на голову Ивана Васильевича. Создав сильную и надежную охранную службу, которой ему не хватало со времени роспуска опричины в 1572 году, Иван IV почувствовал себя в безопасности. Оппозиция была сломлена. Казни прекратились.

Как говорится, мавр сделал свое дело. Впрочем, за службу Грозный отблагодарил Симеона по-царски: ему был пожалован титул великого князя Тверского (к тому моменту все удельные княжества были ликвидированы) и обширные земли в Твери и Торжке. В 1580 году по писцовой книге Симеон владел 13500 десятинами пахотной земли. Дарованными ему землями распоряжался самовластно, обладал правом судить и жаловать "людишек своих".

...Старинную улицу Симеоновскую в Твери вам покажут все. Свое название она получила по церкви Симеона Столпника. Но сами тверичи утверждают, что улицу назвали в честь Симеона Бекбулатовича.

В Твери бывшего царя приняли с восторгом: все знали о спокойном и незлобивом характере Симеона. А его титул заставлял вспомнить славные времена былой самостоятельности Тверского княжества.

Резиденцией Симеона стал кремль. В нем расположился пышный двор, который был миниатюрной копией московского. При Симеоне состояли бояре, дворецкий, постельничий, ясельничий, стольники. Были образованы приказы, которые ведали делами удельного княжества.

Хобби бывшего царя стали охота (в селе Кушалино, где его когда-то крестили, располагался охотничий двор) и строительство. Татарский хан, ставший ревностным христианином, строил церкви и делал богатые вклады в монастыри. Сооружение одного из храмов связано с чудом... Однажды преподобный Мартирий, основатель и первый игумен Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря, проезжал через Тверь.

Симеон Бекбулатович повелел позвать к себе игумена и просил помолиться его за своего сына Ивана, который находился при смерти. Не успел Мартирий переступить порог царского дворца, как Симеону сообщили, что ребенок умер. Царь был безутешен, а Мартирий подошел к усопшему и начал читать молитвы. И чудо произошло - мальчик встал с одра совершенно здоровым. В знак благодарности Симеон построил каменную церковь в честь Тихвинской иконы Божьей Матери. А Зеленецкая обитель обрела в великом князе тверском щедрого благотворителя.

Княжение в Твери не было для Симеона почетной ссылкой. Бекбулатович продолжал заседать в Боярской думе. Он принимал участие в Ливонской войне: корпус под командованием бывшего царя действовал на русско-литовской границе, а когда в 1581 году Стефан Баторий

осадил Псков, Грозный назначил великого князя тверского главнокомандующим 300-тысячной резервной армией.

...Черные дни для Симеона Бекбулатовича наступили в 1584 году, когда скончался Иван Грозный. При царе Федоре власть оказалась в руках Бориса Годунова. Началось с того, что тесть Симеона, князь Иван Мстиславский, который по завещанию Грозного входил в опекунский совет, был обвинен в заговоре против Годунова и пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Ионы. Вслед за этим Симеон был лишен титула и имений и сослан на житье в село Кушалино. Как записано в Никоновской летописи: "Царь Симеон Бекбулатович не бяше уже на уделе во Твери... а двора же его людей в те поры не много было и живяше в скудости..."

Бочонок испанского вина

Впрочем, история дала Симеону последний шанс для реванша. После загадочной гибели в Угличе царевича Дмитрия и смерти бездетного царя Федора Россия оказалась перед необходимостью выбирать себе нового правителя. Первым кандидатом на осиротевший престол был царский шурин Борис Годунов. Однако столь однозначным такое положение представлялось далеко не всем. С новой силой разгорелись в Москве интриги.

И тут опять всплыло имя царя Симеона. В апреле 1598 года несколько боярских фамилий решили консолидироваться вокруг этой фигуры против могущественного Годунова. В пользу Симеона высказались Романовы и Бельские. И не только они. Как с удивлением отмечал Н.Карамзин, "мысль возложить венец Мономахов на голову татарина не всем россиянам казалась тогда нелепою". Царский титул, который тот носил когда-то, все еще оказывал магическое воздействие на народ.

Для того чтобы стать царем, Василию Шуйскому достаточно было получить одобрение у высших аристократических фамилий России. Борису Годунову пришлось пойти на созыв Земского собора, пустить в ход весь арсенал политической борьбы - от агитации до подкупа депутатов.

Целуя крест новому государю, подданные должны были обещать: "Царя Симеона Бекбулатовича и его детей и иного никого на Московское царство не хотеть видеть, ни думать, ни мыслить, ни родниться, ни ссылаться с царем Симеоном ни грамотами, ни словом, ни делом, ни хитростью; а кто учнет с кем о том думать и мыслить, что царя Симеона или сына его на Московское государство посадить, того изыскать и привести к государю". Кстати, после смерти Бориса Годунова в 1605 году присягавшие его сыну Федору давали то же самое обязательство.

Борис Годунов смертельно боялся Симеона. В Никоновской летописи говорится: "Враг вложи Борису в сердце и от него (Симеона) быти ужасу, и посла к нему с волшебною хитростью, и повелел его ослепити, тако же и сотвориша". Свет на эту загадочную фразу пролил француз Яков Маржерет. Руководитель личной охраны Бориса Годунова, а затем и Лжедмитрия I, лично знал Симеона, неоднократно беседовал с ним, и тот ему поведал, что к нему в село Кушалино прибыл в день его рождения человек с письмом от царя Бориса.

Там говорилось о том, что ссылка Симеона подходит к концу. В знак своей милости Годунов послал бывшему царю бочонок испанского вина. Выпив за здоровье Бориса, Симеон и его слуга, разделивший трапезу с господином, ослепли. Эта история широко обсуждалась в то время, и популярности Годунову не прибавила. Так, Лжедмитрий I, перед вступлением в Москву перечисляя преступления Годунова, обвинил его в ослеплении Симеона, а заодно и в отравлении его сына Ивана. Этому можно и поверить, зная привычку Бориса Федоровича расправляться со своими врагами втихомолку.

Смиренный инок Стефан

В правление царя Бориса Симеон, всеми избегаемый, тихо жил в своем селе, как говорит летопись, "не искаша земнаго ничего". Но когда на престоле воссел Лжедмитрий I, бывший царь оказался нужен новой власти. Новый самодержец, царское достоинство которого было весьма сомнительно, вызвал Симеона Бекбулатовича в Москву, пообещал вернуть пожалованные Грозным владения и даже позволил официально именоваться царем. Однако строптивый татарин не пожелал поддерживать авторитет самозванца.

Расплата не заставила себя ждать - в марте 1606 года Лжедмитрий приказал сослать Симеона в монастырь. Этим он избавлялся и от гипотетического конкурента: из монастыря навсегда заказан путь в государи. Великий князь всея Руси Симеон Бекбулатович, в прошлом царь касимовский Саин-Булат, был пострижен под именем Стефана в Кирилло-Белозерском монастыре, где десятью годами раньше окончил свои дни его тесть. Причем Лжедмитрий помнил об этом и в инструкции сопровождающим наказывал, чтоб постригли его "как старца Иону Мстиславского".

Всего полтора месяца спустя Лжедмитрий I был убит. В цари "выкликнули" Василия Шуйского. Популярностью в народе он не пользовался, права на престол у него были шаткие (говорили, что он "самочинно в цари нам поставился"), и потому он тоже вспомнил о Симеоне. Казалось бы, слепой старик не мог вызывать опасений, но всего уже через девять дней после прихода к власти, 29 мая 1606 года, Василий Шуйский приказывает перевести старца на Соловки, место ссылки особо опасных "государственных преступников". Царь Василий лично держит эту операцию под контролем: требует от приставов отчета, "какого числа он из монастыря выедет, чтобы нам про то ведомо было вскоре".

На Соловецких островах старец Стефан прожил шесть лет. Богатые вклады в монастырь, которые он делал в бытность великим князем тверским, не облегчили его тягот. Монахи не смели ослушаться распоряжений Москвы и держали бывшего царя в каменном мешке на хлебе и воде. И только в 1612 году по приказу князя Дмитрия Пожарского и "по совету всея земли" его вернули в Кирилло-Белозерский монастырь.

Последние годы Бекбулатович доживал в Москве. Он пережил всех своих детей, не дождалась его возвращения из ссылки жена Анастасия, которая вслед за мужем приняла постриг. Старица Александра была похоронена в Старом Симоновом монастыре. Сам Стефан скончался 5 января 1616 года. Его похоронили рядом с супругой. На надгробном камне написали: "Лета 7124 году генваря в 5 день преставился раб божий царь Симеон Бекбулатович во иноцех схимник Стефан". В 1930-х годах на месте Старого Симонова монастыря по проекту братьев Весниных построили Дворец культуры ЗИЛа.

Иван КРЫЛОВ
Источник: http://wordweb.ru/2008/09/15/velikijj-knjaz-simeon-bekbulatovich.html